

На правах рукописи

ТУРИЛОВА Мария Валерьевна

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ И МОТИВАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«БЕЗУМИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2010

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: доктор филологических наук профессор
Варбот Жанна Жановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
кафедры славянской филологии ФГОУ ВПО
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»
Ананьева Наталья Евгеньевна

доктор филологических наук, доцент
кафедры славянской филологии ГОУ ВПО
«Московский государственный областной
университет»
Шаталова Ольга Викторовна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Ярославский государственный
педагогический университет имени
К.Д. Ушинского»

Защита состоится «___» _____ 2010 г. в _____ на заседании
диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГОУ ВПО «Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991,
ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус,
филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки 1-го
учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова».

Автореферат разослан «___» апреля 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук
профессор

Е.В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационная работа посвящена исследованию генетической и мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке, предполагающему определение гнездового (корневого) состава поля, выделение мотивационных моделей, по которым слова гнезд развивают изучаемую семантику, и анализ этих моделей в диахроническом аспекте.

Разные аспекты этой темы и раньше привлекали внимание лингвистов. Разрабатывались теоретические вопросы теории поля и, в частности, лексико-семантического поля (труды В.Г. Гака, А.Н. Тихонова, А.А. Уфимцевой, А.В. Бондарко, Ю.Д. Апресяна, Г.С. Шура, Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьевой и др.), различные аспекты мотивационного анализа (Ю.Д. Апресян, Ж.Ж. Варбот, С.М. Толстая, Е.Л. Березович), семантического анализа в этимологии (работы Э. Бенвениста, О.Н. Трубачева, Ж.Ж. Варбот, А.Е. Аникина, С.М. Толстой), соотношения лексико-семантических полей и этимологических гнезд (В.Г. Гак, Ж.Ж. Варбот, О.Н. Трубачев). В значительном числе работ изучаются лексические группы и лексико-семантических поля, проводится сравнительное исследование синонимичных и омонимичных гнезд, реконструируются фрагменты языковой картины мира.

Лексические материалы, относящиеся к теме данного исследования, также уже становились предметом рассмотрения. Анализу языкового поведения прилагательных *безумный* и *сумасшедший* посвящена статья В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, концепт «безумие» в современном русском языке рассматривается в статье О.П. Ермаковой. Некоторые аспекты исследуемой темы затронуты в работе Е.В. Урысон, посвященной языковым представлениям о «наивной анатомии» человека. Детальному семантическому и мотивационному анализу и этнолингвистической интерпретации лексико-семантического поля «Интеллект» на материале современного русского языка посвящены диссертация и продолжающая ее монография Т.В. Леонтьевой «Интеллект человека в русской языковой картине мира». Наиболее близкими по тематике и методам исследования являются работы В.А. Меркуловой, посвященные исследованию народных названий болезней, в том числе сумасшествия, на материале русского языка. Семантическое развитие отдельных лексем прослеживается в работах Е.Э. Бабаевой, Ж.Ж. Варбот, В.В. Виноградова, Л.П. Дроновой, Л.В. Куркиной, В.А. Меркуловой, В.Б. Силиной, С.М. Толстой и др. Этнолингвистическому аспекту изучения указанной лексики посвящены труды Е.Л. Березович, Л.Н. Виноградовой, Т.В. Леонтьевой, К. Михайловой, О.А. Терновской, С.М. Толстой и др. Культурологическая интерпретация результатов лингвистических исследований проводилась В. Фиреком, изучению развития представлений о психиче-

ских заболеваниях (во Франции) на основе результатов социологического и историографического исследования посвящена известная работа М. Фуко.

Однако следует отметить, что диахронический аспект комплексного изучения лексико-семантических полей (и, в частности, лексико-семантического поля «Безумие») разработан недостаточно.

Актуальность диссертационной работы определяется использованием диахронического подхода при анализе лексико-семантического поля как системообразующей единицы лексики.

Научная новизна исследования состоит в том, что в данной работе впервые осуществлены, во-первых, комплексное исследование генетической и мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке в диахронии (с учетом материалов древне- и старорусского языка и языка XVIII в.), в сопоставлении с другими славянскими языками, а во-вторых, разработка толкований ряда «темных» лексем поля. Направление исследования – от классификации лексики по этимологическим гнездам к анализу типов первичной мотивации – дает дополнительные возможности этимологизирования, что используется в работе для обоснования предложенных этимологических решений.

Объектом настоящего диссертационного исследования является лексико-семантическое поле «Безумие», **предметом** – генетическая и мотивационная структура этого поля в русском языке. Состав лексико-семантического поля понимается как комплекс лексем различной частеречной принадлежности (и словосочетаний с ними), объединенных общей семой ‘сумасшествие’. Частично анализируется лексика со значением ‘прийти в себя’, соотносимая с лексико-семантическим полем «Безумие».

Лексический **материал исследования** собран методом сплошной выборки из словарей. Лексику литературного языка составляют материалы Академического словаря русского языка в 17-ти томах, Словаря русского языка С.И. Ожегова, Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова, Фразеологического словаря русского языка Д.Э. Розенталя и В.В. Краснянского. Материалы сленга и жаргона представлены Толковым словарем русского языка конца XX в., Толковым словарем русского школьного и студенческого жаргона, Толковым словарем русского общего жаргона, Большим словарем русской разговорной экспрессивной речи, Словарем русского сленга. Фонд диалектных лексем был собран по данным диалектных словарей брянских, вологодских, донских, новгородских, пермских, подмосковных, ярославских говоров, говоров казаков-некрасовцев, говоров русского севера, русских говоров Карелии и сопредельных областей, Низовой Печоры, Приамурья, Прибайкалья, Среднего Приобья, Селигера, Сибири, Среднего Урала. Кроме того, использованы материалы обобщающего Словаря русских народных говоров, Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля, Экспрессивного словаря диалектной личности. Исторические материалы почерпнуты из Словаря древнерусского языка XI–XIV веков

и Словаря русского языка XI–XVII веков, Словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, Словаря староукраинского языка XIV–XV вв., Словаря русского языка XVIII века.

Лексика других славянских языков, привлекавшаяся для реконструкции праславянского фонда лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке, предоставлена рядом двуязычных толковых и этимологических словарей. Лексика родственных индоевропейских языков (по данным словарей Покорного (J. Pokorny), Бака (C.D. Buck) и др.) использовалась для уточнения древности семантических переходов при диахроническом анализе мотивационной структуры поля и определения некоторых семантических универсалий.

Целями диссертационной работы являются исследование генезиса лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке, определение круга мотивационных моделей, действующих в пределах поля, и реконструкция представлений о сущности безумия, сумасшествия по данным русского языка в их динамике, а также этимологизация «темных» лексем поля. Достижение поставленных целей предполагает решение следующих **задач**:

1. Определение состава лексико-семантического поля «Безумие» в русском языке.
2. Определение этимологий и словообразовательных связей лексем. Классификация лексики по генетическому признаку. Определение фонда этимологических гнезд, образующих лексико-семантическое поле.
3. Выделение заимствований, калек, случаев народной этимологии, «темных» лексем с исследуемой семантикой.
4. Описание исконных и заимствованных мотивационных моделей.
5. Хронологическая стратификация лексики исследуемого поля «Безумие».
6. Определение диахронической характеристики мотивационных моделей лексико-семантического поля «Безумие».
7. Реконструкция представлений о безумии, сумасшествии в диахронии на основе результатов исследования семантического поля «Безумие». Сопоставление полученных результатов с результатами других исследований.
8. Этимологизация «темных» лексем на основе полученных результатов.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составили труды отечественных и зарубежных исследователей. Наиболее значимыми для настоящей работы стали труды Ж.Ж. Варбот, В.В. Виноградова, О.Н. Трубачева, В.А. Меркуловой, С.М. Толстой, Р.М. Цейтлин, Л.П. Крысина, Е.Л. Березович, М. Джонсона, Дж. Лакоффа.

Основными **методами**, используемыми в диссертационной работе, являются методы этимологического, словообразовательного, пропозитивного, историко-семантического анализа: (метод семантических параллелей и приемы семантической реконструкции).

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке диахронического аспекта исследований лексико-семантических полей и методики исследования языковой картины мира.

Практическая значимость диссертационной работы определяется возможностью использования ее материалов и результатов в преподавании вузовских курсов лексикологии, диалектологии, в спецкурсах и спецсеминарах по этимологии, исторической лексикологии и др. Представленные этимологические решения для некоторых «темных» диалектных слов и выражений, входящих в исследуемое поле, и уточнения к уже существующим этимологиям могут быть использованы при составлении словарных статей этимологических словарей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Полный анализ лексико-семантического поля возможен только при использовании языкового материала всех сфер русского языка на нескольких хронологических этапах, при этом этимологический анализ и рассмотрение лексики отдельного (в данном случае – русского) языка на фоне других славянских языков расширяют возможности исследования.

2. Лексико-семантическое поле «Безумие» существенно в лексическом составе русского языка на всех этапах его развития, поскольку отражает соответствующий фрагмент представлений этноса о человеке (в частности, о душе, уме, рассудке), который находит выражение в реализациях 41 исконной и 10 заимствованных моделях лексики со значением безумия, потери рассудка.

3. В формировании рассматриваемого поля «Безумие» участвует значительный набор этимологических гнезд с праславянскими именными и глагольными исходными основами, воспроизводящих семантику сумасшествия на разных хронологических этапах.

4. Незначительную часть лексики поля составляют заимствования. Из них наиболее существенны те, которые принесли в русский язык новые семантические переходы, ставшие в нем продуктивными.

5. Значительная изменчивость мотивационной структуры поля на разных этапах развития языка отражает динамику представлений о причинах и сущности безумия. Характер этой изменчивости обнаруживает связь с динамикой религиозных представлений.

6. Предлагается ряд новых этимологических толкований (для новых лексем и для ранее рассматриваемых).

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования изложены в докладах на Международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов–2006» (Москва, 2006), «Ломоносов–2007» (Москва, 2007), «Ломоносов–2008» (Москва, 2008), «Ломоносов–2009» (Москва, 2009), на III Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2007), на Международной конференции, посвященной

70-летию русистики в Армении и 30-летию факультета русской филологии ЕГУ (Ереванский государственный университет, Армения, 2007), на Международной конференции молодых филологов (Университет г. Тарту, Эстония, 2007). Работа прошла апробацию на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

По теме диссертации опубликовано 11 научных работ, в том числе 4 статьи (две из них – в изданиях из перечня ВАК) и тезисы 7 докладов.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников, библиографии (насчитывающей 201 наименование) списка принятых сокращений, алфавитного указателя лексем и приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определены объект, предмет и материал, цели, задачи и методы исследования, дан краткий обзор работ по тематике диссертации, изложено понимание основных теоретических понятий, используемых в данной работе, обоснованы актуальность и научная новизна избранной темы, теоретическая и практическая значимость работы, перечислены положения, выносимые на защиту, описана структура диссертационной работы.

В **Главе I «Генетическая характеристика лексико-семантического поля «Безумие»** устанавливается состав указанного поля (более 500 лексем). В разделе **1.1. «Исконная лексика»** анализируется исконная лексика поля, распределенная по этимологическим гнездам (подраздел 1.1.1.):

<i>*baxnɔti</i>	<i>*ɛti</i>	<i>*majati</i>	<i>*šalʲ(jʲ)</i>
<i>*belnʲ</i>	<i>*gluxʲ(jʲ)</i>	<i>*malʲ(jʲ)</i>	<i>*šibiti</i>
<i>*běda</i>	<i>*glumʲ</i>	<i>*mamʲ</i>	<i>*šutʲ(jʲ)</i>
<i>*běsʲ</i>	<i>*glupʲ(jʲ)</i>	<i>*maniti</i>	<i>*terʹati</i>
<i>*biti</i>	<i>*gluzdʲ</i>	<i>*melti</i>	<i>*truti</i>
<i>*blagʲ(jʲ)</i>	<i>*xabiti</i>	<i>*mēsiti</i>	<i>*traxati</i>
<i>*blęsti</i>	<i>*xudʲ(jʲ)</i>	<i>*męsti</i>	<i>*trepati</i>
<i>*bogʲ</i>	<i>*xytiti / *xvatati</i>	<i>*mъněti</i>	<i>*tręsti</i>
<i>*brestī</i>	<i>*jʲti / *xoditi</i>	<i>*mъrkɲɔti</i>	<i>*(sʲ)tukati, *tъknɔti</i>
<i>*byti</i>	<i>*jaxati, *jěxati</i>	<i>*padati</i>	<i>*tumanʲ</i>
<i>*bъrati</i>	<i>*kaziti(se)</i>	<i>*pętiti</i>	<i>*tъma</i>
<i>*bъrditi</i>	<i>*koriti</i>	<i>*polʲ(jʲ)</i> ‘пустой’	<i>*umʲ</i>
<i>*čuditi</i>	<i>*kotiti</i>	<i>*polu-</i> ‘половина’	<i>*val-, *vъl-</i>
<i>*čъkati</i>	<i>*(s)kreg-</i>	<i>*prostʲ(jʲ)</i>	<i>*velěti / *voliti</i>
<i>*děkati (se)</i>	<i>*kydati</i>	<i>*pъxnɔti, *pixati</i>	<i>*verditi</i>
<i>*dikʲ(jʲ)</i>	<i>*lixʲ(jʲ)</i>	<i>*roditi</i>	<i>*vesti</i>
<i>*durʲ(jʲ)</i>	<i>*lomiti</i>	<i>*rъxnɔti / *rušiti /</i>	<i>*viti</i>
<i>*dvignɔti</i>	<i>*ludʲ(jʲ)</i>	<i>*ryxnɔti</i>	<i>*vъrtěti</i>
<i>*dъrati</i>	<i>*maxati</i>	<i>*stati</i>	<i>*žiti</i>

Каждое этимологическое гнездо описывается по следующим параметрам: (1) состав входящих в гнездо лексем с исследуемым значением, (2) словообразовательные связи и особенности каждой лексемы, включая (2а) время вхождения слова в гнездо, (2б) сохранение / утрата значения 'безумие' в последующие периоды, (2в) пропозитивная функция, (3) первичная семантика и праславянский фонд гнезда, входящий в поле, (4) мотивационные модели, по которым гнездо входит в поле, (5) семантические параллели с другими этимологическими гнездами. Верифицируемая база данных, приведенная в виде таблицы в Приложении 1, служит основой дальнейшего исследования.

Продуктивность гнезд анализируется в подразделе 1.1.2. Самым продуктивным является этимологическое гнездо **umъ*: его «вклад» в лексико-семантическое поле «Безумие» составляет более 85 лексем (включая сложения с этим корнем), которые развивают семантику потери рассудка по 12 мотивационным моделям. За ним следуют **durъ* (28 лексем), **běsъ* (24 лексемы), **rod-* (15 лексем), **jъd-* / **xod-* / **šъd-* (14 лексем), **mъrk-* (13 лексем), **šalъ(jъ)* (12 лексем), **měsiti* (11 лексем), **dikъ(jъ)* (10 лексем), **rъx-* / **ruх-* / **ryх* (9 лексем). Этимологические гнезда **běsъ*, **bujъ(jъ)*, **jъstъ(jъ)*, **mъrk-* многочисленны за счет церковнославянизмов, появляющихся в них в древнерусский период. Продуктивны в поле этимологические гнезда **blagъ(jъ)*, **dvignoti*, **glumъ*, **stopiti*, **tręsti* (по 8 лексем).

Выделен праславянский фонд этимологических гнезд (подраздел 1.1.3.): **belnъ*, **běsъ*, **blesti*, **brediti*, **čuditi*, **děkati (se)*, **durъ(jъ)*, **glumiti*, **glupъ(jъ)*, **gluzdъ*, **xabiti*, **kaziti*, **lixъ(jъ)*, **ludъ(jъ)*, **mamiti*, **melti*, **měsiti (se)*, **męsti*, **mъrk'ti*, **prostъ(jъ)*, **šalъ(jъ)*, **šutъ(jъ)*, **truti*, **umъ*, **verdъ*. Таким образом, почти половина всех гнезд входит в лексико-семантическое поле «Безумие» уже в праславянский период. Еще 15 присоединяется к ним на древнерусском этапе. В старорусском языке, языке XVIII века, современном русском языке и сленге новых гнезд в лексико-семантическом поле практически не появляется (2, 4, 4, 2 гнезда соответственно), в отличие от диалектов, где слова, обозначающие сумасшествие, фиксируются более чем в 20 новых гнездах. Гнездовая структура лексико-семантического поля «Безумие» весьма устойчива: почти все этимологические гнезда, когда-либо входившие в исследуемое поле, представлены в современном русском языке (литературном, сленге или диалектах). Исключение составляют гнезда, представленные церковнославянизмами, получившими дальнейшее семантическое развитие и вышедшими за пределы поля или не освоенными русским языком (**běd-*, **xabiti*, **jъst-*, **lěp-*, **lъstъ*, **mal-*, **mamъ*).

Анализ частеречной принадлежности лексем (подраздел 1.1.4.) показывает, что впервые семантика сумасшествия появляется преимущественно в глаголе (включая причастия), затем следуют имена прилагательные и существительные. Анализ семантических ролей слов и словосочетаний в рамках пропозиции «потеря рассудка» ('свести с ума', 'тот, кто сводит с ума',

‘сойти с ума’, ‘безумствовать’, ‘сумасшедший человек’, ‘сумасшедший’, ‘сумасшествие’, ‘безумно’, ‘сумасшедший дом’) также показывает преобладание глаголов и глагольных словосочетаний со значением ‘потерять рассудок, сойти с ума’ (треть всех слов), за ними следуют прилагательные и атрибутивные словосочетания со значением ‘безумный, сумасшедший’ (четверть слов) и существительные и словосочетания, означающие ‘потерю рассудка, сумасшествие’ (пятая часть всех слов семантического поля).

На разных хронологических этапах возростала потребность в номинации разных компонентов пропозиции «потеря рассудка». Каузальных глаголов со значением ‘лишать рассудка’ больше всего на праславянском этапе (**běsiti*, **duriti*, **glumiti*, **xabiti*, **kaziti*, **lišiti se*, **luditi*, **mamiti*, **balamŕiti*, **morčiti*, **šaliti*, **trъvati*, **verditi* и др.) – вероятно, в этот период активнее всего мотивационные модели, подразумевающие существование враждебного субъекта, лишаящего рассудка. В старорусском языке, в сравнении с предыдущими этапами, увеличивается число номинаций сумасшедшего человека и его характеристик. Позднее увеличивается число абстрактных существительных: в XVIII веке слова и словосочетания со значением ‘потеря рассудка, сумасшествие’ составляют треть всех новообразований. Кроме того, одновременно с появлением реалии появляются слова со значением ‘сумасшедший дом, лечебное заведение для людей, потерявших рассудок’. В современном русском языке, по сравнению с предыдущими этапами, возрастает число глаголов со значением ‘потерять рассудок’ (в сленге это почти половина всех новообразований). Отмечается грамматическая специфика номинации в литературном языке: обозначений состояния (‘сумасшествие’) вдвое больше в литературном языке по сравнению с диалектами и сленгом.

Выделены продуктивные словообразовательные модели лексики семантического поля «Безумие» (подраздел 1.1.5.). Определено соответствие некоторых словообразовательных и мотивационных моделей.

В разделе 1.2. «Слова, имеющие иноязычных предшественников» заимствования и кальки иноязычных слов с семантикой сумасшествия анализируются с точки зрения времени появления в русском языке, языка-источника; выделяются заимствованные семантические переходы.

Среди заимствований (подраздел 1.2.1.) выделяются следующие семантику сумасшествия из языка-источника (ц.-слав. **бѣзѡуміе**, **бѣсьновати** **бѣи**, **истѣплєніе ѡма**, **неистовыи**, **прѣльсть**, **помрачєніе**, **препотѣновєніе**, **взлати сѧ** (из ст.-слав.), грецизм **салосъ** ‘юродивый’; заимствования современного этапа **дефек'тивный** (из нем.), **'крейзи** (из англ.) и их дериваты) и развивающие эти значения уже в русском языке (**ненор'мальный**, **'сбрендить**, **трав'мированный**, **шизо'френик**, **сдери'хон** и их дериваты). И те, и другие словообразовательно активны и дают большое число дериватов.

В подразделе 1.2.2. рассматриваются кальки, все они фиксируются в XIX в.: **душевно'больной** и **пси'хически боль'ной** < нем. *Geisteskrank* < греч. *ψυχᾰλᾰτης* ‘душевнобольной’; **'тронутый** < фр. *toqué* ‘со странностями, не в

себе' от *toquer* 'дотронуться'; *умопомешательство* < нем. *Geistesverwirrung* 'помешательство'.

Выделены заимствованные семантические переходы. Некоторые из них становятся актуальными в русском языке. Это заимствованные в древнерусский период через старославянский язык из греческого мотивационные модели '«отрицание» + ум, рассудок, разум, смысл' → 'глупость, неразумие, безумие' (ц.-слав. **бѣзѹмїе**), 'выйти наружу' → 'лишиться рассудка' (ц.-слав. **нѣстѹпити, нѣстѹплєнїе ѹма, нѣстѹпѹ**), 'сделать темным, затемнить' → 'лишить ясности рассудка' (ц.-слав. **помрачити**), 'ярость, бешенство' → 'безумие, помешательство' (ц.-слав. **нѣистовѹи**, получившее дополнительную мотивацию 'неистинный, отклонившийся от истины, ложный' на основе первичной семантики этимологического гнезда), а также заимствованные на современном этапе 'необычный, отклоняющийся от нормы' → 'сумасшедший' (*ненормальный*), 'психически больной' → 'сумасшедший' (*псих, шиз*). Таким образом, процесс появления новых лексических средств и мотивационных моделей не прерывается.

Другие семантические переходы остаются непродуктивными в русском языке: 'подвергаться ударам волн, ветра, шторма' → 'бесноваться' (ц.-слав. **взлѹюци** 'припадный, бесноватый', **взлѹтисѹ** 'бесноваться', букв. 'быть застигнутым бурей в море, подвергаться ударам волн'), 'быть лунатиком' → 'сходить с ума' (**бѣснѹвати сѹ, бѣсити сѹ на новѹ мѣсѹцѹ**), 'бессловесный, безмолвный' → 'сумасшедший' (ц.-слав. **бесловѹнѹ, несловесѹнѹ**, результат ошибочного калькирования греч. *αλόγιστος* 'неразумный, безрассудный').

В ряде этимологических гнезд (**běsъ, *dъrati, *měsiti, *mъrk-, *umъ, *vъlati*) появление церковнославянизмов, калек или действие народноэтимологических преобразований лексики с затемненной внутренней формой «подготовлено» существованием исконной лексики со значением сумасшествия.

В Главе II «Мотивационная структура лексико-семантического поля «Безумие» рассматриваются мотивационные модели указанного поля.

В разделе 2.1. обобщаются исконные и заимствованные модели. Семантические переходы исконной лексики объединены в условные группы:

1. Движение

1. 'Сдвинуться в сторону' (ц.-слав. **подвиженїе**, русск. *со'йти с у'ма, рех'нутьсѹ, 'сдвинутьсѹ*, сленг. *спол'зѹть, 'съехѹть*, диал. *'сглиздѹтьсѹ* и др.)
2. 'Терять путь' (ц.-слав. **зѹблѹжденїе**, русск. *сума'сбродѹть* диал. *блуд*)
3. 'Мешать, болтать' (*замешательство у'ма, 'разума, 'мыслей* (XVIII в.), русск. *помешѹтьсѹ*, диал. *'смешанный, побаламутаиной, баламутный*)
4. 'Кружить(ся), крутить(ся)' (*вскру'жиласѹ голо'ва* (XVIII в.), русск. *свих'нутьсѹ*, диал. *кружѹный, ма'лавѹть, пових'нутьсѹ, о'бельный*)
5. 'Кружиться, путаться (о рассудке)' (диал. *'разум перевер'нуло*)
6. 'Трястись' → 'падучая' (диал. *тря'сучий, тря'суха*)

2. Восприятие ('говорение', 'зрение', 'слух', 'ментальное восприятие')

7. 'Бормотание, болтовня' (праслав. **belnъ*, **belena*, **belnovati*)
8. 'Отравиться' (беле'ны / бе'сюки / бе'силы объ'елся, взбеле'нился)
9. 'Забыть', 'без памяти' (русс. за'быться, диал. обес'памятеть)
10. 'Закрытый > неспособный воспринимать' (русс. диал. заглу'нять)
11. 'Затемнять, покрывать мглой (ум)' (русс. оту'манивать ('голову / со'знание / ум), за'тмение у'ма / в у'ме (язык XVIII в.))
12. 'Несообразительный' (нехват'кой)

3. Внешнее воздействие

3а. Божье произволение

13. 'Божья воля', 'Божий гнев' (русс. диал. боже'волиться, боже'гневный)

3б. Враждебное воздействие

14. 'Ударить' (др.-русс. шибеныи, пошибленныи, русск. сленг. 'чокнутый, при'шибленный, диал. глуз'ды от'шибло, пёхнутый)
 15. 'Ломать, повреждать' (др.-русс. врѣдити ѿмз, ст.-русс. похабз)
 16. 'Сломаться' (др.-русс. порѣшитисѧ, русск. диал. поло'маться, за'глохнуть, спо'рушиться у'мом)
 17. 'Дырявый' (др.-русс. издѣрѣть, ст.-русс. дѣракз, русск. диал. 'шут(ый))
 18. 'Владеть, обладать (о враждебных силах)' (др.-русс. вѣшєныи, русск. бесно'та (XVIII в.), одер'жимость, диал. 'бесная, наило на кого-л.)
 19. 'Овладеть' + 'ломать, искривлять' (русс. диал. корѣжит кого-л.)
 20. 'Оказывать воздействие (о нечистой силе)' (русс. диал. деко'ваться)
 21. 'Мучить, беспокоить' (русс. диал. потре'воженный)
 22. 'Пугать', 'испугаться' (праслав. **běsъ*, **běsiti*)
 23. 'Надоедать, мешать, донимать' (дони'мает кого-л.)
 24. 'Осмеивать, уязвлять (словом)' (русс. диал. глум, глумить, глум'ной)
 25. 'Лишать (= нарушать «целостность», норму)' (др.-русс. лишєникз, русск. диал. поли'шиться (у'мом))
 26. 'Обманывать' (др.-русс. ц.-слав. льстити, прѣльстѧ, лѣдыи, русск. диал. луд / лу'ду пус'кать)
 27. 'Обманывать, сеять смуту, слухи' (русс. диал. побала'мutoшной)
 28. 'Махать (рукой) = мешать восприятию' > 'морочить, одурманивать, обманывать' (др.-русс. ц.-слав. помамленіє, омамзшини)
 29. 'Мерцать (о свете), темнеть = мешать зрению' (русс. диал. 'наморки на'пали, помо'рочиться, мо'рока)
 30. 'Вредить, наводить порчу' (русс. диал. ска'зиться, скажѣнный, 'каженец)
- ## 4. Неполюноценность (ума)
31. 'Истратить (ум)' (русс. диал. выжи'вать ум, глузд отжи'вать)
 32. 'Опустеть' (русс. поло'умный, диал. опрос'теть)
 33. 'Нехватка' (др.-русс. вѣдьноѿмьно, русск. диал. недо'вольный),
 34. 'Потеря, отсутствие ума' (русс. умалишєнный, диал. те'рять смысл)
 35. 'Вялый, слабый', 'слабый, плохой' (русс. мала'хольный, диал. бла'гой)

36. 'Плохой, слабый, немощный (ум)' (русс. диал. *схудо'умиться, худо'умой*)
37. 'Чересчур много ума' (русс. диал. *умо'ваться*)

5. Особенности поведения

38. 'Тот, кто отличается от своего рода, выродок' (др.-русс. *жродз, юродз*)
39. 'Странный, вызывающий удивление' (русс. диал. *'чудышко*)
40. 'Буйный, дикий' (др.-русс. *шаленз*, русск. *оди'чать*, диал. *'шалый*)
41. 'Заниматься пустым, никчемным делом' (русс. диал. *кос'тарь*)

Среди них наиболее продуктивными являются мотивационные модели 'ударить' → 'лишить рассудка' (12 гнезд), 'сдвинуться в сторону' → 'сойти с ума' (10 гнезд), 'владеть, обладать (о враждебных силах)' → 'сводить с ума' (7 гнезд). Среди заимствованных мотивационных моделей выделены типологически близкие семантическим переходам исконной лексики, продуктивные и непродуктивные модели.

В разделе 2.2. проанализирована группа диалектных лексем со значением 'прийти в себя, вернуться в ясное состояние сознания' (карел. *'вскинуться, отво'диться, охоло'нуть*, казач. *очу'неться*, яросл. *очепу'риться, о'чахнуть, о'чапаться* и др.). Обозначение «выздоровления» зависит от обозначения «безумия»: мотивационные модели лексики со значением 'прийти в себя' основаны на тех же представлениях о сумасшествии, что и мотивационные модели лексико-семантического поля «Безумие», и антонимичны последним.

Раздел 2.3. посвящен анализу некоторых номинаций душевного здоровья. На индоевропейском и праславянском этапах здоровье осмысливается как целостность, неповрежденность: и.-е. **sol-(u)-* 'целый, здоровый' > лат. *salūs* 'здоровье', и.-е. **k^hai-lo-* 'то же' > праслав. **cělъ(jь)* 'целый, неповрежденный, здоровый' (ст.-слав. **цѣлы**). Излечение представляется возвращением целостности (праслав. **cěliti* 'лечить', букв. 'делать целым'). В некоторых славянских языках это представление распространяется и на душевное здоровье: ср. юридические формулы др.-русс. **цѣлымъ ѿмомъ**, ст.-укр. *за цѣлого розоумоу, с полнымъ розумомъ* 'в полном (здравом) рассудке'. В древнерусский период данная модель актуализируется под влиянием ц.-слав. **цѣломъдріе** 'скромность, воздержанность, умеренность', букв. 'здравомыслие', и других лексем с основой **цѣломъдр-**, калькирующих греч. **σωφρον**, **σωφροσύνη** 'здравомыслие, благоразумие, рассудительность'.

В разделе 2.4. рассматриваются мотивационные модели поля «Безумие», представляющие сумасшествие как поврежденность, нецелостность. Большинство праславянских и диалектных моделей имеет в своей основе идею повреждения в широком смысле слова (физического, магического, уязвления словом и др.), однако несколько семантических переходов, хотя и представленных относительно небольшим числом лексем в сравнении с наиболее продуктивными моделями поля, примечательны точной антонимией модели 'целый' → 'здоровый'. Это прежде всего семантические переходы 'нецелый' →

‘сумасшедший’ (др.-русс. **лишеникъ** ‘безумец’, новг. *полишиться умомъ*) и ‘дырявый’ → ‘сумасшедший’ (праслав. **durъ(jь)*, русск. *ду'рак*, русск. диал. *ошу'теть* ‘сойти с ума’, *'шут(ый)* ‘проклятый’). Поскольку праслав. **cělъ(jь)* ‘неповрежденный, целый’ означает также ‘полный’ акцентирует также другой аспект представления о здоровье, сюда отнесена также модель ‘пустой’ → ‘сумасшедший’ (яросл. *поло'ман* (< **polmę* от **pol-* ‘полый, пустой’), *поло'умный*, яросл. *опрос'теть* ‘сойти с ума, поглупеть’ и др.).

Диахронический анализ глагольных сочетаний со словами *ум*, *разум*, *рассудок* и др. (*память*, *смысл*, *мозги* и пр.), обозначающих сумасшествие (раздел 2.5., Приложение 2), показывает, что синонимия слов *ум*, *разум* и *рассудок* (тем более – *интеллект*) в контекстах, обозначающих утрату ясности сознания, потерю рассудка, безумие, – явление позднее (XVIII в., современный русский язык). Этимологически *ум* и *глупость* характеризуют способность к восприятию и лишь в современном языке связываются с интеллектуальными способностями человека. Безумие, сумасшествие представляется как (не)способность к мыслительной деятельности также на современном этапе, тогда как ранее оно связывалось с нарушением «целостности», «поврежденностью» человека вообще.

В Главе III «Динамика мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» рассматриваются изменения, происходящие в мотивационной структуре поля на разных этапах развития языка (раздел 3.1.). Полученные результаты сравниваются с другими исследованиями (раздел 3.2.). В заключение делаются выводы об отражении в истории поля представлений этноса о безумии.

Для праславянского этапа реконструируется 18 мотивационных моделей лексики со значением сумасшествия. В основе нескольких моделей лежит образ движения. Сумасшествие представляется **блужданием, потерей пути** (праслав. **blęsti*, **blǫdъ*, **brediti*, **bredъ*). С образом **кругового движения**, наделенного негативными коннотациями, связан семантический переход ‘мутить, мешать’ → ‘путать, волновать, сводить с ума’ (праслав. **měšati (se)*, **męsti*, **balamęiti*).

Некоторые модели отражают шаманские и другие языческие магические практики, участники которых находятся в измененном состоянии сознания, или их в таковое приводят. По модели ‘**бормотание**’ → ‘**бред, сумасшествие; грезы**’ в лексико-семантическое поле «Безумие» входят звукоподражательные праслав. **belnъ*, **belena* с первичным значением ‘бормотание, болтовня’, откуда ‘бред, грезы’. Далее этим словом называется ядовитое растение, белена, и уже номинации белены в составе словосочетаний начинают обозначать потерю рассудка (*будто белены объелся, взбеленился* ‘о человеке, ведущем себя странно’, модель ‘отравиться’ → ‘сойти с ума’). Связь зрительного восприятия и потери рассудка отражена в мотивационной модели ‘**мерцать (о свете), темнеть**’ → ‘**приводить в измененное состояние сознания, сводить с ума**’ (праслав. **mьrk'ti*, **morčiti (se)*, **morkъ* и др.).

Другой семантический переход, связанный со зрительным восприятием повторяющегося, монотонного движения, – **‘махать (рукой)’ → ‘лишать ясности сознания, обманывать’ → ‘сводить с ума’** (праслав. **mamiti*, **mamъ*, **mahati* (сербохорв. *mahnit* ‘сумасшедший’, букв. ‘размахивающий’), **matati* (ст.-чеш. *mátožný* ‘помешанный’ – от ст.-чеш., чеш. *mátoha* ‘злой дух, страшилище, привидение, обман; сновидения’), которые восходят к и.-е. **ma-* ‘махать (рукой)’. Зрительный образ вращающегося туда-сюда ручного жернова лежит в основе развития семантического развития русск. *ма'лавить*, *мо'лавить* волог., сев.-двин. ‘казаться, мерещиться, чудиться’, волог. ‘пугать’ (о нечистой силе) (праслав. **melviti*); болг. *мламолец* ‘болезнь головы’ (праслав. **molmolъсь*) в этимологическом гнезде **melti* ‘молоть’.

Сумасшествие связывается с одержимостью злыми духами, что отражается в модели **‘владеть, обладать (о враждебных силах)’**: ср. праслав. **běsъ*, **bēsiti (se)*, **bēsъnъ(jь)*, где субъект враждебного воздействия назван прямо, а внутренняя форма лексемы **běsъ* передает суть этого воздействия – **‘пугать’** (ср. семантику родственных лит. *baidýti* ‘пугать’, *baisá* ‘страх’ < и.-е. **bhoidh-* от **bhoi-* ‘бить, бой’, к нему же восходит русск. *бо'яться*). Близка ей модель **‘подвергаться воздействию злых сил’** (праслав. **dĕkati (se)*).

Воздействие на душевную сферу человека считалось широко распространенной формой порчи: ср. модель **‘вредить, наводить порчу’ → ‘сводить с ума’** (**kaziti*, **kaziti (se)*). Высмеивание, уязвление словом тоже представляется причиной сумасшествия: модель **‘осмеивать, уязвлять (словом)’ → ‘сводить с ума’** (праслав. **gluma*, **glumъ*, **glumiti*, **glumъlivъ(jь)*, **glumъnъ(jь)*) отражает отношение к смеху, высмеиванию как к занятию пустому, недоброму и опасному.

Представление о «норме» и нарушении «нормы», целостности как причине сумасшествия отражает модель **‘лишать, делать нецелым’ → ‘сводить с ума’**, представленная дериватами праслав. **lixъ(jь)* ‘остаток / избыток’. Значение ‘нецелое, отклонение от нормы’ становится основой развития семантики негативной оценки ‘злой, дурной’, значений ‘слабоумный’, ‘сумасшедший’ (болг. *лихо*, *лихуть* ‘слабоумный’, **лишеникз** др.-русс. ‘отступник’, ‘безумец’, русск. мордов. *ли'шиться умом*, новг. *поли'шиться* ‘сойти с ума’, *лишатися* пск., твер. ‘приходить в бешенство (о животном)’).

Архаичны представления об **обмане как причине помрачения сознания, рассудка**: праслав. **ludъ(jь)*, **luda*, **luditi*. Лексемы другого гнезда, **męsti*, «уточняют» эту модель как **‘сеять смуту, распространять слухи, лгать’ → ‘сводить с ума’** (**balamqiti* и **balamqta*).

Несколько моделей представляют сумасшествие следствием удара. Семантический переход **‘тот, кого бьют, стегают, дерут’ → ‘сумасшедший’** представлен в праславянский период лексикой этимологического гнезда **šalъ(jь)*. Образ повреждения, поломки лежит в основе мотивационной модели **‘ломать, повреждать’ → ‘лишать рассудка’** (праслав. **xabiti*, **verdъ*, **verditi se*, **veržati se*). Сумасшествие может также представляться физиче-

ской нецелостностью: модель ‘дырявый’ → ‘сумасшедший’ (праслав. **durъ(jb)*, **šutъ(jb)*).

Модель ‘истратить (ум)’ → ‘сойти с ума’ (праслав. **jъzumiti*, **obuměti (se)*) отражает представление об уме как о вещественной и притом конечной сущности. Близка к ней модель, предполагающая **отсутствие** ума-разума в их вещественном аналоге, т. е. **головы, мозга** (праслав. **bezgluzdъ(jb)*, **bezgolvъ(jb)*, **bezmozgъ(jb)*). Сумасшествие (наряду с глупостью, слабоумием) связывается с **закрытостью как ограниченной способностью к восприятию** (праслав. **glupъ(jb)*).

На древнерусском этапе сохраняют актуальность представления о сумасшествии как о **потере пути** (др.-русс. ц.-слав. **блѣдъ** и **заблѣждение**, **сбѣрести с Ѹма**), **сдвиге в сторону** (др.-русс. **отъходити Ѹма**, др.-русс. ц.-слав. **подвижение**), **верчении, кружении** (ц.-слав. **отъвращати** ‘затмевать разум’). Безумие продолжает представляться следствием враждебного воздействия: **удара** (др.-русс. **шибеныи, шибеникѣ**, ц.-слав. калька **препоткнувание** ‘помешательство’ в гнезде **тъk-* ‘бить, стучать’), **повреждения** (др.-русс. ц.-слав. **врѣдити Ѹмѣ, врѣдоѸмѣнѣ**), **нецелостности** (др.-русс. ц.-слав. **лишеникѣ** ‘безумец’), **одержимости** (др.-русс. **бѣшенство, бѣшьство**), **воздействии нечистой силы** (ц.-слав. **дѣканіе**), **обмана** (ц.-слав. **лѣдость, прѣльсть, помамление**).

Некоторые лексемы обнаруживают процессы ремотивации. Например, др.-русс. ц.-слав. **шалѣнѣ** ‘furens’, этимологически ‘тот, кого стегают, дерут’, его дериваты и однокоренные слова получают вторичную мотивацию ‘**яростный, неистовый, бешеный**’ → ‘сумасшедший’.

Помимо унаследованных с праславянского этапа, в древнерусский период в семантическом поле «Безумие» лексически фиксируются новые модели. Сумасшествие связывается с **потерей памяти** (др.-русс. **поманѸтисѣ** ‘прийти в себя’), **нехваткой ума** (др.-русс. ц.-слав. **бѣдноѸмно, малоѸмѣнѣ**), **плохим, слабым, немощным умом** (др.-русс. ц.-слав. **хѸдоѸмѣнѣ** ‘неразумный’). Лексемы этимологического гнезда **rod-* отражают взгляд на сумасшедшего как на того, кто «отличается от своего рода», не такой, как все (др.-русс. **Ѹродѣ, юродѣ**). Значение ‘юродивый’ вторично, семантическое развитие ‘сумасшедший’ → ‘юродивый, святой’ отражает специфическое поведение юродивых на Руси.

Вместе с христианскими текстами появляется представление о душевной болезни как следствия «траты» грехом. Некоторые семантические переходы заимствуются через церковнославянизмы из греческого языка: ‘**буйствовать, бушевать**’ → ‘**глупость, неразумие, безумие**’ (представлена ц.-слав. **бѣи**), ‘**ярость, бешенство**’ → ‘**безумие, помешательство**’ (ц.-слав. **неистовыи**), ‘**сделать темным**’ → ‘**лишить ясности рассудка**’ (ц.-слав. **помрачити**), ‘**выйти наружу**’ → ‘**лишиться рассудка**’ (ц.-слав. **изтѸпити, истѸпление Ѹма**), остальные заимствованные модели непродуктивны в

древнерусском языке и на последующих этапах. Наконец, одним из важнейших приобретений лексико-семантического поля «Безумие» на древнерусском этапе является заимствованный семантический переход «**отрицание + мудрость, разумность, здравый смысл**» → «**неразумие, безумие**» (ц.-слав. **бѣзоуміе** ‘неразумие, глупость’, **бѣзоумьнѣ**, **бѣзоумьль** ‘неразумный, глупый’), связывающий сумасшествие и ум, рассудок. До этого, на праславянском этапе, существует более «предметная» модель «**без мозгов**» → «**глупый**» (ср. **bezgluzdъ(jь)*).

В древнерусском языке сохраняется большая часть (10) праславянских мотивационных моделей, кроме того, фиксируется 13 новых, в том числе заимствованных, семантических переходов.

В старорусском языке сохраняются древнерусские лексемы и церковнославянизмы с семантикой сумасшествия, некоторые из них словообразовательно активны (ст.-русс. **помраченикъ**, **похабъ**, **бѣзѹмьникъ**, **неистовый**). Продуктивна модель «**сдвинуться в сторону**» → «**сойти с ума**» (ст.-русс. **свести съ ѹма**), живыми остаются представления об **одержимости** (ст.-русс. **пристѹпаѣтъ**). Фиксируется еще одна мотивационная модель «**не свой ум, рассудок**» → «**сумасшедший**» (ст.-русс. **не своимъ разѹмомъ**).

В XVIII веке, по данным словарей, новых представлений о сумасшествии не появляется. Некоторые лексемы наследуются из старорусского языка, другие образуются по уже имеющимся в поле моделям на основе значений «**выйти**» (*быть вне ума, разума, себя*), «**смешивать, путать**» (*помешательство, замешательство ума, разума, мыслей*), «**кружиться**» (*вскружилась голова*), «**забыть**» (*забвение*), «**сделать темным**» (*затмить ум, рассудок*), «**терять (ум)**» (*лишиться ума*). Представления об одержимости, порче и т.п. непродуктивны. Вместе с появлением практики изоляции душевнобольных появляются слова со значением «сумасшедший дом», производные от именовании сумасшедших (*дурацкая, дом безумных*).

В сравнении с древнерусским и тем более праславянскими этапами, заметна тенденция к большей абстрактности мотивационных моделей. Этот период религиозно «индифферентен»: в литературном языке нет новообразований, в которых отражаются те или иные религиозные верования (языческие или христианские). Другая отличительная черта этого периода – появление указания на *ум, разум, рассудок* в связи с обозначением сумасшествия.

Диалекты, в отличие от языка XVIII в. и современного литературного языка, отличаются большим разнообразием семантических переходов. Очевидна преобладанность мотивационной структуры по отношению к праславянскому этапу. Продуктивны модели «**сдвинуться в сторону, с (правильного) места**» (ср. *отойти от памяти, отстать от ума, спятиться с ума, рехнуться, тронуться*), «**терять путь, сбиваться с пути**» (*блуд*), «**кружить(ся), крутить(ся)**» (*кружёный, малавить, круговой, кружалый, обельный, обёл*), «**мешать, смешивать**» (*мешаный, баламутный*), «**сломать-**

ся' (яросл. *поло'маться* 'сойти с ума', *по'рушиться*), **'лишиться (ума)'** (отобра'ло ум, те'рять смысл), **'истратить (ум)'** (глуз'ды отжи'вать, выжи'вать ум), **'нехватка'** (недо'вольный), **'избыток ума'** (до'умствовался до бе'зумия, умо'ваться), **'не свой ум, рассудок, возраст'** (донск. превзой'ти в 'детский 'разум, карел. не в ладах (быть)), **'отравиться'** (смол. багун), **'мерцание света'** ('наморки на'пали, 'наморок 'водит).

Актуальны представления о сумасшествии как результате вредоносного воздействия: **'ударить'** (глуз'ды от'шибло, пёхнутый, встрёпанный, стрёх головы, 'стукнутый), **'одержимость'** ('бесная), **'овладеть'** + **'ломать, искривлять'** (корёжит кого-то), **'отнимать ум'** (отобра'ло ум), 'мучить, беспокоить' (диал. *потре'вожить* и *потре'вожиться*, производные гнезда **truti* 'мучить, беспокоить', **trъvoga* 'беспокойство, мучение'), **'вредить, наводить порчу'** (скажёнй, 'каженец), **'обманывать'** (диал. луд, лу'ду пус'кать,), **'шутить, осмеивать, уязвлять (словом)'** (диал. *глу'миный*). Сумасшествие связывается с **дырявостью** (урал. *ошу'теть*), **пустотой** (поло'ум, *опрос'теть*), **глупостью** (диал. *заглу'нять* 'сходить с ума', *сду'реть*, дурако'ватый). В некоторых именовании сумасшедшего отражено его специфическое поведение: **'странный, вызывающий удивление'** (диал. *чу'дышко*), **'буйный, дикий'** (ди'кой, дико'вать, 'шальной).

Есть примеры объединения моделей. Первичное значение лексемы может «перекрываться» другим, появившимся в гнезде позднее (диал. *за'глохнуть* 'потерять рассудок': **'оглохнуть', 'сломаться'**). С представлением о нечисти и одновременно об утрате «своего» места как причине сумасшествия связано нижегор., калуж. *о'межный* 'шальной, бешеный', производное от *омеж* 'среди, между', ср. также пенз. *о'межной* 'нечистый дух, живущий на полевой меже', *омежная трава* олон. 'цикута ядовитая'.

Несколько моделей лексически зафиксировано в диалектах впервые: **'оборотень, букв. порченный'** (волог., новг. *опрокидень*), **'трястись' > ('падучая')** (диал. *тря'сучий, тря'суха*). В семантическое поле «Безумие» входят лексемы, означавшие на предыдущих этапах неразумие, глупость: ср. новый семантический переход **'плохой, слабый, немощный (ум)'** → **'потеря рассудка'** (диал. *схудо'умиться, худо'умной, худо'умой*). Близкой к нему является модель **'слабый, плохой'** → **'сумасшедший'** (бла'гой). Наконец, некоторые диалектные слова отражают представление о сумасшествии как воле Божьей (диал. *боже'вольный, боже'волиться*), прилагательное *боже'гневный* отражает представление о сумасшествии как наказании, Божьем гнев.

Таким образом, в русских диалектах представлено большинство моделей (31) этого поля, за исключением непродуктивных заимствованных моделей, что свидетельствует о стабильности народных представлений о сумасшествии. Отличительной чертой диалектной лексики является живость ее внутренней формы, сохранение многими словами первичной мотивации, утраченной в русском литературном языке. В этом фрагменте поля «уживаются» наложения разных культурных срезов, бо́льшая часть моделей

связана с языческими верованиями (представления о родстве, модели, отсылающие к шаманские практики, антропоморфные образы). Христианские представления о безумии как следствии греха / заблуждения почти не отражаются в диалектной картине мира. Религиозно «нейтральная» зона обозначений сумасшествия связана с семантикой восприятия, движения, удара.

В современном литературном языке новых мотивационных моделей исконной лексики не появляется. Сохраняются слова предыдущих этапов, внутренняя форма которых ясна: *за'быться*, *обес'памятеть* ('забыть' → 'потерять рассудок'), *бла'женный*, *ю'родивый*, *бесно'ватый*, *одер'жимый* и *одер'жимость* ('владеть, обладать (о бесах)' → 'лишать рассудка'), *бе'зумие*, *бе'зумный*, *бе'зумствовать* ('без ума' → 'сумасшедший'), устар. *умоисступ'ление* ('выйти наружу' → 'лишиться рассудка'), *умали'шенный*, *ли'шиться* (*у'ма*, *'разума*, *рас'судка*), *те'рять* (*ум*, *'разум*, *рас'судок*) ('потеря ума' → 'сумасшествие'). Указанные мотивационные модели в современном литературном языке неактуальны. Меняется лексическое наполнение некоторых мотивационных моделей в связи с появлением новых реалий в мире: например, образ **поломки** детализируется новыми механизмами (*шарики за ролики заехали*). Некоторые лексемы сохраняют архаичные представления о сумасшествии, которые, впрочем, в большинстве случаев не осознаются носителями языка: например, этимология выражения *с приветом* разг. 'сумасшедший' скрывает представления о порче, сглазе, наговоре (ср. *'каженец*).

Наиболее продуктивны модели '**сдвинуться в сторону**' (*со'йти с у'ма*, *сума'сшествие*, разг. *сдвинутый*, *'спятить*, *своро'тить с у'ма*) и '**ударить**' (разг. *приба'бахнутый*, *'чокнутый*, *'вышибить ум*, *'тукнутый*). Кроме них, новообразованиями представлены также модели '**сбиваться с пути**' (*сума-'сбродить*), '**темнеть, затемняться (об уме, рассудке)**' (*пому'титься у'мом*, *'разумом*, *за'тмение у'ма*, *в у'ме*).

На этом этапе исследуемое поле пополняется новыми семантическими моделями за счет заимствованной лексики: '**ненормальный**' (разг. *ненор'мальный* – в противоположность слову *нормальный* разг. 'психически здоровый, в себе'), '**с дефектом**' → '**сумасшедший**' (*дефек'тивный*), '**психически больной**' → '**сумасшедший**' (*шизо'френик*, *псих*). Представление о сумасшествии как о болезни вообще является отличительной чертой этого этапа (ср. *душевноболь'ной*, *психически боль'ной*). Этот семантический переход представлен и в других индоевропейских языках, причем уже в древности (ср. лат. *insānus* 'сумасшедший', букв. 'нездоровый', ит. *pazzo* – эвфемизм, от лат. *patiēns* мед. 'больной, пациент'), однако для славянской картины мира в целом не свойствен. Сопоставление с упоминавшейся работой Фуко показывает, что те же изменения происходят во Франции: начиная с XIX в. безумие рассматривается как болезнь, средством лечения которой признается изоляция.

Освоение заимствований выявляет наиболее актуальные модели. Например, калька *'тронутый* 'сумасшедший', отражающая семантический переход французского языка 'коснуться, тронуть' → 'лишить рассудка', переосмысливается по модели **'сдвинутый' → 'сумасшедший'**. По этой же модели развивают семантику сумасшествия некоторые заимствования, в языке-источнике такого значения не имевшие (ср. *мозги набе'крень, 'сбрендить*).

Современный сленг отличается заметным сужением спектра мотивационных моделей по сравнению с русским литературным языком, не говоря уже о диалектах. Чрезвычайно активна мотивационная модель **'сдвинуться' → 'сойти с ума'** (*'двинуться, за'двинутый, спол'зать, сдвиг по 'фазе, 'крыша, 'ширма 'съехала* и т. п.). Продуктивна модель **'ударить' → 'лишить рассудка'** (*приба'бахнутый, у'битый, трав'мированный*). Семантическое поле «Безумие» пополняется производными от **медицинских терминов** (*шиз, псих* и их дериваты), в семантике которых на первый план выходит экспрессивная оценка, при этом производные образуются по словообразовательной модели, «закрепленной» за моделью физического воздействия, хотя семантика этих производных данным моделям не соответствует (*шиза'нутый* 'со странностями, ненормальный', подобное словам *'чокнутый, при'шибленный* 'сумасшедший' < 'ударенный'). Некоторые обозначения сумасшествия связаны с **образом поломки** (сленг. *'фляга свис'тит, чан течёт, 'шифер 'съехал* 'кто-л. сошел с ума, ведет себя подобно сумасшедшему', *'клинить* сленг. 'о временном помрачении рассудка у кого-л.').

С другой стороны, работает механизм «оживления» экспрессивной лексики: актуальные модели наполняются лексикой новых гнезд, возобновляются архаичные модели: например, в сленге, как и в диалектах, есть выражения со значением сумасшествия, связанные с образом **чего-то неподходящего в голове**: *с гу'сями* шутол. или неодобр. 'о человеке со странностями', *с тараканами в голо'ве* 'о человеке со странностями', *шур'шало* шутол.-ирон. сленг. 'человек со странностями'. Эта модель отражает весьма древние представления о духах, которые вселяются в тело человека под видом мелких животных или насекомых и вызывают болезни, психические расстройства, состояние одержимости. В русском литературном языке эта модель непродуктивна, о чем свидетельствует отсутствие новообразований.

Сопоставление мотивационной структуры семантического поля «Безумие» в русском языке с материалами других индоевропейских языков (по данным синонимического словаря Бака) показывает, что на разных этапах в поле представлены почти все указанные Баком семантические переходы. Вместе с тем, в славянских языках есть некоторые уникальные семантические переходы: например, 'махать (рукой)' → 'морочить, сводить с ума'; 'мерцать' → 'сводить с ума', 'тот, кто отличается от своего рода' → 'сумасшедший'.

Тенденции развития исследуемого поля «Безумие» заключаются в следующем. Сокращается число мотивационных моделей и их разнообразие: в разные периоды в поле представлено в общей сложности более 50 семантических переходов; в современном сленге актуальны 5 из них. Изменение верований влечет за собой изменение моделей в семантической зоне «враждебное воздействию извне»: от обозначений сущности состояния безумия («поврежденный», «продырявленный», «пустой») к номинациям, подразумевающим враждебное воздействие извне («проникновение в тело духов под видом зооморфных и проч. существ», «одурманивание», «порча», «обман», «одержимость» и др.), и, наконец, в рамках христианских представлений, – сумасшествию как «трате грехом». Кроме того, на всех этапах сохраняется «нейтральная» зона, где сумасшествие связывается с восприятием, движением или физическим воздействием – ударом. В языке XVIII века безумие начинает связываться со сферой рассудка, интеллекта. В литературном языке и сленге мотивационные модели, отражающие те или иные религиозные верования, неактуальны. Актуальными являются представления о сумасшествии как отклонении от нормы, последствиях физической травмы или психической болезни, сдвига или состояния измененного сознания под влиянием одурманивающих веществ. Таким образом, исследование мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» позволяет реконструировать существенный фрагмент картины мира, связанный с представлениями о человеке.

Глава IV «Этимологии «темных» лексем» представляет опыт этимологизации на основе результатов анализа этимологически «прозрачной» лексики «темных» лексем и словосочетаний семантического поля «Безумие»: *сбер'дить*, *'сбрендить*, *сдери'хон*, *лобо'дарь*, *скол'дырня*, *полуёкта*, *мара'ухой*, *обди'рает*, *поло'ман*, *поло'мошной*, *пала'мутный*, *с при'ветом*, *ошу'теть*, *'стюшить*, *у'вырять*, *димос'титься*, *ка'луниться*, *кос'тарь*, *мак'симец* (с *мак'симцем*).

Перм. *сдери'хон* ‘сумасшедший’ признан результатом народно-этимологического преобразования иноязычного *Иерихон*: заимствование соотносится с этимологическим гнездом глагола *драть*. В русском языке есть и другие слова с негативными коннотациями, являющиеся трансформациями того же слова: диал. *ери'хон* «ругательство», *ери'хонец* «прозвище подьячих», *ери'хониться* ‘хорохориться, важничать, упрячиться’. Иностранное для системы языка слово соотносится с фонетически близкой исконной лексикой: это яросл. *сдергоумо'ватый* (человек), *сдерго'умка* ‘сбалмочный, полушалкой, полудурье’, *с ума сдёрнуть* ‘сойти с ума’ (к глаголу *дёргать*), соответствующие мотивационной модели ‘двинуться, сойти с места’ → ‘лишиться рассудка’. Они мотивируют переосмысление строения слова и «добавление» префикса вместе с «достраиванием» корневой морфемы: результатом народноэтимологических преобразований становится

слово *сдери'хон*, получившее недвусмысленную внутреннюю форму – мотивацию по *дер-*, синонимичному с *дерг-*.

Новг. *поло'ман* ‘глуповатый, придурковатый человек’ неясно по морфемной структуре, что позволяет предположить возможные морфонетические преобразования. Формант *-ман* содержат и другие лексемы, близкие по семантике: *дико'ман* арх. ‘дурак’, ‘шаловой, беспутный человек’, *лихомань* ст.-русс. ‘обманщик, мошенник’, русск. *лихо'ман* ‘дьявол, черт; неприятный человек, злодей’. Для *лихо'ман* существует гипотеза о преобразовании из **lixmę* (Варбот), подобно *глух'мень* сев.-зап. ‘глушь’, тамб., костр. ‘полночь, глубокая ночь’ (праслав. **gluxmę*), *сух'мень* ‘суходол, сухая глина с супесью, плохая почва’ (праслав. **suxmę*). Для *дико'мань* прибайк. ‘скандалист, задира’ можно, следовательно, предполагать первичное **дик'мень* (праслав. **dikmę*), а для заглавного *поло'ман* – **пол(о)'мень* (праслав. **polmę*).

Все перечисленные производящие основы (**dik-*, **lix-*, **sux-*), от которых образованы лексемы с негативно-оценочными значениями, имеют семантику каритивности. Таковой является и корневая морфема **pol-* ‘пустой, порожний’ в реконструированной лексеме **polmę*: ср. ‘*полый* перм. ‘порожний’ (*Подай полый горшок*), волог. ‘дуплистый, с пустой серединой’ (*Спилят сосну, а сосна полая*). Семантическое развитие лексемы реконструируется как ‘пустой’ → ‘глупый, придурковатый человек’.

В уральск. *ошу'теть* ‘сойти с ума’ вполне однозначно выделяется корень *шут-*, который предлагается отождествить с праслав. **šutъ* ‘пустой’. В таком случае глагол *ошу'теть* должен быть образован от некоего прилагательного **'шутый*, а первичное его значение реконструируется как **‘сделаться 'шутым’*. Праслав. **šutъ(jь)* – субстантивированное причастие с исходным значением ‘дырявый’ (причастие, восходящее к и.-е. **ks-* / **k's-* / **kes-* / **kos-* ‘колоть, ударять’, ‘отламывать’). Его синоним *ду'рак* ‘шут при дворе’, ‘глупец’, производный от прил. **durъ(jь)* ‘дырявый, пустой’, тоже имеет мотивацию ‘пустой’).

По данным этнолингвистических исследований, на Урале распространены легенды о *шутах* и *шutowках*: так называют проклятых женщин (русалок) и мужчин. Кроме того, *шут*ом эвфемистически называют черта. В некоторых текстах *шуты* и *шutowки* названы «не полными» людьми. *Шут* этимологически – существо не-целое, пустое: ‘проклятый’, ‘черт’, ‘сумасшедший’, ‘шут’ («существо под личиной, за которой нет лица»).

Таким образом, уральск. *ошу'теть* ‘сойти с ума’ значит ‘стать *'шутым*’, слово *'шутый* – *шут* – отсылает к легендам о чёрте и проклятых: *ошу'теть* – это буквально ‘выйти из нормы человеческого существования, стать подобным уральскому *шуту*, ущербному физически и душевно’.

Уральск. *'стюшить* ‘сойти с ума’ и отмеченное в тамбовских и тульских говорах *'стюшиться* ‘одуреть, ошалеть’, ‘выйти из себя, прийти в иступление’; ‘рехнуться, спятить с ума’ связываются с костр. *'тюшиться* ‘сue-

титься'. Учитывая значение 'идти, двигаться', отмечаемое для *'тлюхатъ* (*'тлюшить*), можно предположить, что именно семантика движения послужила основой для развития значения 'терять рассудок'. Возможность развития значения 'сойти с ума' на базе исходного 'сойти, сдвинуться с места' подтверждают другие лексемы того же семантического поля: *'спятить* (тж. *с ума*) 'сойти с ума, помешаться', *'спятиться* (тж. *с ума*) 'сойти с ума, потерять рассудок' и др.

Уральск. *у'вырья* 'дурочка' сопоставляется с тверским глаголом *'вырить* 'нашептывать, наговаривать', 'ворожить, колдовать', 'хитрить, мудрить'. В тверских и псковских говорах словом *'вырей* называют колдуна. Таким образом, слово *у'вырья* можно считать еще одним примером представления о помрачении разума как о результате колдовства. Глагол *'вырить* относится к этимологическому гнезду *ве'рать* 'запирать, связывать', в котором есть и другие лексемы с близкой семантикой: простор. *'врать*, *'вракать* 'лгать', арх., новг. *врало* 'лгун', *ва'руха* 'врунья', *'вары* 'выдумки, рассказы'.

Внутренняя форма выражения *с при'ветом кто-н* разг. 'со странностями, глуповатый или не совсем нормальный' прозрачна, однако развитие семантики неясно. Фасмер указывает на семантику говорения в этимологическом гнезде, куда входит слово *при'вет*: *от'вет*, *со'вет*, *о'бет*, *'вече*, др.-русс. *вѣтъ* 'совет, договор', *заве'щать* и др. Для рассмотренного случая особенно существенна семантика слов *навечать*, *наветить* 'наговаривать, наклеветать, возводить напраслину', *наветье*, *навет*, *наветка* 'напраслина, наговор, клевета', отмечаемая Далем. Значения этих производных соответствуют потенциям семантики 'говорить': 'оговорить', 'ворожить, колдовать' и др., ср. диал. *наго'варивать* 'сплетничать, клеветать', 'ворожить, знахарить, нашептывать воду, хлеб'. Таким образом, выражение *с при'ветом* 'сумасшедший' означает 'тот, которого приветили, т.е. оговорили' и реализует модель 'заколдованный, порченный' → 'потерявший рассудок' (ср. *скажѣнный*).

Донск. *ка'луниться* 'беситься' сопоставляется с пенз. *калун* 'человек, сделавший нищенство своей профессией', тамб. *калу'хан* 'еретик, отщепенец, отступник от православия, особ. молокан, духоборец или скопец' и *калхан* 'заговор, колдовство, ворожба', восходящие к др.-тюрк. *qalqan* 'щит (оружие)'. Семантическое развитие группы лексем реконструируется так: у заимствования *кал'хан* обозначение действия 'колдовство' метонимически перенесено на обозначение субъекта этого действия, 'колдуна' (см. территорию распространения лексемы). Кроме того, происходит вставка -у-: *калу'хан*. Из значения 'колдун' ожидаемо развитие значения 'еретик', откуда – 'потерявший рассудок' (ср. обратное направление семантического развития в слове *ере'тик* 'еретик', арх., вят., пенз., каз., пск., перм. 'колдун', астрах., новг. 'обманщик, негодяй'). Производный глагол **калу'ханиться* мог сократиться до *ка'луниться* 'вести себя асоциально' > 'беситься'. Далее, от

ка'луниться образовано слово ка'лун, значение которого объяснимо на фоне регулярных в семантическом поле «Безумие» связей между значениями 'лень, бесполезное занятие' и 'сумасшествие' (ср. верхотур. *кос'тарь* 'психически больной человек' при первичности значения 'игрок в кости, бабки, мошенник').

Новг. *мак'симец, с мак'симцем* 'о человеке с придурью, с причудами', арх. *с мак'симом* 'с придурью, с причудами', олон. *у него максим в голове* 'о человеке чудаковатом, со странностями' толковались ранее как связанные с личным именем Максим (Т.В. Леонтьева), поскольку в русском языке существует модель именования умственно неполноценного или потерявшего рассудок человека именем собственным (ср. сиб. *Алеша бесконвойный* 'о глупом, неуклюжем человеке'). Но в данном случае мотивировка связи с личным именем не ясна, и можно предположить, что эти выражения являются результатом народной этимологизации слова с затемнившейся внутренней формой, возможно – заимствованного слова.

В русском языке есть мотивационная модель обозначения глупого, придурковатого человека словами со значением 'мусор, отбросы' (ср. донск. *с 'бусорью кто-л.* 'глуповатый, недоразвитый, с придурью', *'бусорь* 'придурь, причуды': все лексемы восходят к тому же корню *сор-*, что и в *мусор*). Слово *мак'сим* в указанных выражениях можно, следовательно, связать с *мак'са, мак'со* сиб., тобол., арх., пск., твер. 'печень крупной рыбы', 'печень налима', 'печень животного', 'печень белухи', ирк., новг., псков. 'рыбьи потроха', *мак'сун* 'сибирская рыба'. Происхождение этих слов установлено: слово *мук-сун*, сиб. *муцун, максун, моксун* 'рыба «*Salmo tchum*»' является заимствованием из якут. *tuksun*, тоб. *tuksut* с тем же значением. Учитывая фиксацию для слова *мак'са* значения 'рыбьи потроха', можно предположить (при отмеченном тождестве лингвогеографических характеристик), что заимствования *мак'са, мак'со* первично входили в состав выражения **с максом* / **с максой в голове*, соответствующего регулярной семантической модели. Затем под влиянием народной этимологии их внутренняя форма была «прояснена»: корень «добраивается», связываясь с распространенным мужским именем.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования.

В диссертации проведен генетический (этимологический и словообразовательный), пропозитивный и мотивационный анализ лексики лексико-семантического поля «Безумие». На материале исконной лексики выделена 41 мотивационная модель развития семантики сумасшествия. К ним присоединяется 10 заимствованных семантических переходов.

Выявлен круг этимологических гнезд, являющихся источниками лексики данного поля, определена их продуктивность и историческая устойчивость гнездовой структуры поля. Определены продуктивные словообразовательные модели лексики поля. Пропозитивный анализ лексики

показывает, что на разных этапах развития языка возрастала потребность в номинации разных компонентов пропозиции «потеря рассудка».

Проанализирована динамика мотивационной структуры лексико-семантического поля «Безумие» и представлений о безумии, сумасшествии. Выявлены некоторые тенденции развития данного поля: резкое сокращение продуктивных моделей в литературном языке и сленге, утрата моделей, отражающих религиозные верования, актуализация представлений об отклонении от нормы, сдвиге, ударе, психической болезни, измененном состоянии сознания под влиянием одурманивающих средств.

На основе результатов анализа этимологически «прозрачной» лексики предложены этимологические толкования для диал. *сбер'дить*, *'сбрэндить*, *сдери'хон*, *лобо'дарь*, *скол'дырня*, *полуёкта*, *мара'ухой обди'рает*, *поло'ман*, *поло'мошной*, *с при'ветом*, *ошу'теть*, *'стюшить*, *у'вырья*, *димос'титься*, *ка'луниться*, *кос'тарь*, *мак'симец*. Существующие гипотезы уточнены.

Приложения представляют собой библиографию (список источников, список литературы, насчитывающий 201 наименование), список принятых сокращений, алфавитный указатель лексем и сводные таблицы, отражающие диахронические характеристики лексем и мотивационных моделей.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

1. *О шуте и не только* // «Русская речь». № 2. М., 2008. С. 118–124.
2. *Мараухой обдирает* // «Русская речь». № 2. М., 2010. С. 104–106.
3. Об одной мотивационной модели семантического поля «Безумие» в русском языке // «Lingua-universum». № 6. Назрань: «Пилигрим», 2007. С. 40–47.
4. Этимологический анализ группы диалектных лексем с семантикой негативно оцениваемых состояний и качеств человека // Материалы и исследования по русской диалектологии. III (IX). М., 2008. С. 365–379.
5. Мотивационная модель как организующий фактор в семантическом поле. (На примере мотивационной модели 'отклонение от (правильного) пути' → 'потеря рассудка' семантического поля «Безумие» в русском языке) // Материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов". III. – М.: Изд-во МГУ, 2006.
6. К диахронической характеристике семантического поля «Безумие» в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. Составители М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов. – М.: МАКС Пресс, 2007.

7. К исследованию этимологического гнезда **šut-* // Материалы XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных "Ломоносов". Том III. – М.: Изд-во МГУ, 2007.

8. Как живется на *Лободырищине* // Сборник тезисов Тартуской конференции молодых филологов. Тартуский университет, Тарту, 2007.

9. Этимологические гнезда и этимологизация «темных» лексем (на примере группы слов с семантикой 'скупой' в этимологическом гнезде глагола *драть*) // Международная научная конференция, посвящённая 70-летию русистики в Армении и 30-летию факультета русской филологии ЕГУ. Материалы. Ереван, 2007.

10. К вопросу о взаимодействии этимологических гнезд // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов". III. – М.: Изд-во МГУ, 2008.

11. Этимологическое гнездо **lix-* в семантическом поле «Безумие» // Материалы XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых "Ломоносов". III. – М.: Изд-во МГУ, 2009.